

Владимир Базаров

Христиане Третьего Завета и строители Башни Вавилонской

Владимир Базаров

**Христиане Третьего Завета и
строители Башни Вавилонской**

«Public Domain»

1909

Базаров В. А.

Христиане Третьего Завета и строители Башни
Вавилонской / В. А. Базаров — «Public Domain», 1909

«„Есть ли Бог или нет? Вот, кажется, самый нелюбопытный вопрос в наши дни“. Так начинает г-н Мережковский свою книгу: „Не мир, но меч“. Пока говоришь о религии, как об идеале, все соглашаются или, по крайней мере, никто не спорит – кажется, впрочем, потому, что всем наплевать, но только что пытаешься связать религию с реальной действительностью, оказываешься или в дураках или в подлецах...»

© Базаров В. А., 1909

© Public Domain, 1909

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Базаров

Христиане Третьего Завета и строители Башни Вавилонской

I

«Есть ли Бог или нет? Вот, кажется, самый нелюбопытный вопрос в наши дни». Так начинается г-н Мережковский свою книгу: «Не мир, но меч».

Пока говоришь о религии, как об идеале, все соглашаются или, по крайней мере, никто не спорит – кажется, впрочем, потому, что всем наплевать, но только что пытаешься связать религию с реальной действительностью, оказываешься или в дураках или в подлецах.

На первый взгляд, именно со стороны Мережковского и именно «в наши дни» такое вступление менее всего уместно. Со времен масонского движения в первой половине царствования Александра I ни разу еще религия не была в такой моде среди русской «прогрессивной» интеллигенции, как *в наши дни*. «Новое религиозное сознание», «мистический опыт», «касание мирам иным» – вот термины, мелькающие на столбцах нашей периодической прессы почти так же часто, как «противохолерные прививки», «мероприятия г-на Шварца», «конституционная Турция» и т. п. О бытии Божиим трактуется в самых популярных газетах, и притом не только в отделе *большого* серьезного фельетона, но и в отделе, так называемого «маленького фельетона», – каких же еще надо доказательств *любопытности* этого вопроса для современной публики! Говорят даже, что типографии вынуждены были пополнить запасы совсем было пришедшей в забвение «ижицы» по случаю необычайного спроса на слово «Vпостась».

Казалось бы, г-н Мережковский – еще недавно столь одинокий, столь непризнанный пророк религиозного возрождения русской интеллигенции – должен чувствовать себя как нельзя лучше. И вдруг «всем наплевать... Оказываешься или в дураках или в подлецах»... Нотки такого глубокого уныния не срывались у него даже в 900-х годах, когда он, не встречая еще нигде отклика, вынужден был утешаться то пророчесственными «прообразами» грядущего религиозного интеллигента у Достоевского, то «бессознательной религиозностью» русских революционеров. Выходит как будто бы, что среди современной интеллигенции, на разные голоса воспевающей святость своих мистических переживаний, г-н Мережковский чувствует себя еще более одиноким, чем 5 лет тому назад, в атмосфере откровенного безбожия. И это действительно так. Не то, совсем не то рисовалось г-ну Мережковскому в его мечтах о религиозном возрождении. Он верил в «подвижнический» дух русского интеллигента, по слову учителя своего – Достоевского.

Едва только он, задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертие и Бог существуют, то тотчас же, естественно, сказал себе: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю»...

...Сказано: «Раздай все и иди за мной». Не могу же я вместо «всего» дать два рубля, а вместо «иди за мной» ходить лишь к обедне.

Вместо этого величественного внутреннего и внешнего перерождения, вместо этой «молнии, рассекающей небо от востока до запада» получилось нечто обидно-мизерное. Не

только не потребовалось отдавать «всего», но даже и два-то рубля благополучно остались в кармане, даже и «половинный» – то компромисс оказался «бременем неудобноносимым». Религия отнюдь не внесла никакого нового огня, никакого нового вдохновения в нашу общественную жизнь. Произошло прямо обратное: как раз те элементы русской интеллигенции, которые решили, что отныне следует раз навсегда изгнать из общественности вредный «романтизм», что наступила пора трезвой, позитивной реальной политики, как раз они и почувствовали тотчас же необходимость отвести в своей душе уголок для религиозных переживаний, – уголок совершенно интимный, потусторонний, ничем не связанный с внешней жизнью и деятельностью. Наоборот, интеллигенты, сохранившие склонность к «романтизму» в политике, и поныне продолжают коснеть в своем прежнем безверии.

Интеллигенту первой категории – позитивному политику с мистическим изолятором в душе – принадлежит ближайшее будущее, – это господин завтрашнего дня. Безбожный «романтик» призван сменить его на арене истории послезавтра. Таким образом, в пределах исторического предвидения религии г-на Мережковского, по-видимому, не предстоит играть сколько-нибудь заметной роли. Г-н Струве был, конечно, совершенно прав, когда в своем возражении на доклад Мережковского, читанный в религиозно-философском обществе, заявил, что «представители нового религиозного сознания в сущности являются глашатаями старой религиозности, которая уже умерла». Г-н Мережковский со своими единомышленниками, – т. е. с г-ном Философовым и г-жой Гиппиус, если не считать довольно сомнительного христианина 3-го Завета, г-на Бердяева, – это, несомненно, последние могикане, эпигоны многочисленной некогда армии воинов «тысячелетнего царства». Но именно как последние могикане они и интересны. Возродить на рубежах XX века халиастическую мечту во всей ее догматической чистоте и во всей ее действительной мощи, притом не на почве слепого отрицания современной культуры, а на почве включения в свое *credo* всех ее завоеваний, – такая попытка не только в высшей степени любопытна, но в своем роде и очень трогательна.

* * *

Краеугольным камнем веры г-на Мережковского является христианский догмат о воскресении мертвых.

Я знаю, что умру, но хочу жить и после смерти – вот начало религии... Едва ли даже люди, чуждые всякой религии, не согласятся с тем, что цель и смысл жизни есть счастье, и что счастье – любовь... Всякая жизнь побеждается смертью. Чтобы дать жизни смысл, мы должны в любви утверждать вечное бытие личности; но смертью, уничтожающей личность, уничтожается и любовь, единственный возможный для человека смысл жизни¹.

Если нет *личного* бессмертия, если нет полного настоящего воскресения, воскресения *во плоти*, то жизнь – сплошная бессмыслица и нелепость, издевательство дьявола над человеком. Именно бессмыслица и нелепость эмпирического существования, дух пошлости, убивающий смысл и интерес жизни и составляет, по Мережковскому, сущность Дьявола, как злого начала. Всякая *крайность*, всякая глубокая страсть сама по себе благодетельна и свята. Зло – это «середина», беспорядочная, тусклая, «серая» смесь противоположностей. Добро – не один из полюсов и не механическое смешение разных начал, а их органический синтез, тот «белый цвет, в котором все цвета радуги сливаются в один»².

---

¹ Не мир, но меч. С. 4.

² Гоголь и черт. С. 153.

Противопоставление «плоти» как злого начала, «духу» как началу доброму, столь характерное для исторического христианства, совершенно не удовлетворяет г-на Мережковского. Тем более, что на практике христианство привело не к победе духа над плотью, а к половинному компромиссу между ними. Половая любовь – это, по выражению Мережковского, «острие» плоти – в глазах исторического христианства есть лишь мерзостная похоть. Святой «ангельский» чин жизни – абсолютная девственность, монашество. И, тем не менее, брак есть «таинство». Отрицая внутреннюю святость брака, церковь, тем не менее, освящает его как внешнюю эмпирическую необходимость: «могий вместити, да вместит», – а для немощных «лучше жениться, чем разжигаться». Тем же духом «середины» отмечено отношение исторической церкви к общественности и всем вообще вопросам земной жизни и культуры. С одной стороны: «не убий», – а с другой – «православное воинство». С одной стороны, токмо Христос есть «Крайний Судья» и Господь (т. е. государь) всякой христианской общины, а, с другой стороны, присяга членов Св. Синода гласит: «Исповедую же с клятвою („вы же не клянитесь вовсе“, сказано в Евангелии) крайняго судии духовныя сея коллеги быти самого всероссийского монарха, государя нашего всемилостивейшего». И т. д., и т. д.

Однако эта, в принципе антимирская, на практике же половинчатая, полумирская-полудуховная тенденция современного христианства представляет не случайное уклонение или злонамеренное историческое развитие. Плоть так же изначальна и свята, как и дух, а потому не может быть побеждена духом. Ложное направление исторического христианства нельзя устранить простой церковной реформой, возвращением к первоначальному христианству. Тут нужна не реформация, а революция, не восстановление второго Завета, а новый, *третий*, Завет, новое откровение, дающее высший и окончательный синтез отдельным моментам религиозной истины, раскрытым в Ветхом и христианском Заветах.

Ветхий Завет – откровение о Боге-Отце и Создателе мира – утверждает божественность космоса или вселенской плоти. В христианском Завете раскрывается вторая Ипостась Божества – Логос, разум, одухотворяющий косную материю – плоть мира. Грядущий третий Завет – Завет Духа Святого – будет состоять «в совершенном соединении Логоса и Космоса – во вселенской церкви как царстве не только духовном, но и плотском, не только внутреннем, но и внешнем, не только небесном, но и земном»³.

Таким образом, до сих пор еще не было, да и не могло быть истинной христианской церкви.

Как Израиль, стремясь к Божественной Личности, сам остается безличным, остается религией только природного и родового единства, так христианство, стремясь к общности, церковности, само остается безцерковным, безобщественным, остается религией только уединенной личности. Но точно так же, как исполнилось чаяние безличного Израиля о Личности, исполнится и чаяние безцерковного христианства о Церкви⁴.

Церковь есть возведенное апокалипсисом «тысячелетнее царство святых на земле», «совершенное соединение Богочеловека с Богочеловечеством в безгранично-свободной и безгранично-любовной религиозной Общине».

Разрешить противоречие между плотью и духом, между мирской культурой и религиозной верой, сможет только это, третье откровение.

Религия Троицы, религия всеобъемлющая, не только созерцательная, но и *действенная*, принимающая в себя всю настоящую и будущую культуру, все откровения и знания, соеди-

---

³ Не мир, но меч. С. 37.

⁴ Там же.

няющие в себе «разум – волю – чувство», как соединены в человеке «дух – душа – плоть». К этой силе, одной побеждающей, мы и должны стремиться⁵.

Самая интересная черта в учении Мережковского – это, бесспорно, включение в апокалипсический идеал *всей* культуры, т. е. не только культурного «быта», не только создаваемого культурой телесного и духовного «комфорта», но и самого *духа* культуры, всех ее «откровений и знаний», прошедших, настоящих и будущих. Г-н Мережковский доказывает, что апокалипсический идеал, несмотря на преобладающий в нем элемент чудесного, сверхъестественного, нимало не противоречит истинно понятой науке. Мало того, – только при свете апокалипсического идеала работа человеческой культуры приобретает свой смысл и свою ценность. Культура без религии, или культура, заменившая религию, религия человеческого, «только человеческого» разума приводит не к идеалу, достойному человека, а к окончательному и безысходному царству серединной пошлости: к человеческому «муравейнику», устроенному столь рационально и целесообразно, что людям уже нечего больше желать и искать, а остается только спокойно наслаждаться раз навсегда упроченным моральным и умственным благосостоянием. Наиболее ярким выражением этой атеистической культурной тенденции г-н Мережковский, вслед за Достоевским, считает современный социализм. *«Социализм, по словам Достоевского, есть не только рабочий вопрос, или так называемого четвертого сословия, но, по преимуществу, есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю».*

Тысячи миллионов счастливых младенцев, – пишет Мережковский, – умеренная сытость, «спокойное довольство» всего человечества в комфортабельных «алюминиевых дворцах», в Вавилонской башне социал-демократии есть не что иное, как царство Чичикова, всемирного вечного Чичикова *sub specie aeterni*, ибо царство его есть именно царство «от мира сего»: в Чичикове, – говорит Гоголь, – было *«все, что нужно для этого жира».*

Подчеркнутые мною выше слова Достоевского метко и верно схватывают основную тенденцию современного социализма как культурного течения. Социализм – это действительно не только «реформы в интересах рабочего класса», но и особое, насквозь иррелигиозное мирозерцание. Социалистическая «Вавилонская башня» – это действительно «воплощение современного атеизма», или, точнее, та материальная предпосылка, при которой атеистический дух современной культуры впервые сможет свободно развернуть свои силы. Мы убеждены, однако, что в итоге получится не успокоенный «муравейник», которым пугают нас г-н Мережковский и иже с ним, а небывалый еще подъем творческой энергии человека. Убеждение это связано с совершенно иным, нежели у Мережковского, пониманием движущих сил культуры и ее внутреннего смысла.

Но для того, чтобы уяснить себе ту «апокалипсическую» психологию, ярким выразителем которой является г-н Мережковский, мы пока допустим, что он правильно определяет дух современной культуры. Мы допустим, следовательно, что *идеал* культуры – окончательно разрешит все загадки мира и тем самым устранит всякую возможность новых проблем, что конечная цель безбожного прогресса – *достроить* свою Вавилонскую башню, т. е. создать силами человеческой мысли и воли такой же вековечный апофеоз, такое же превращение всех красок мира в единый белый цвет удовлетворенного познания и чувства, какое обещает даровать нам силой божественного Логоса апокалипсическое христианство.

---

⁵ Грядущий Хам. С. 155.

Г-н Мережковский не отвергает безусловно *возможности* такого научного конца истории, – он думает только, что человечество никогда не помирится с ним, никогда не удовлетворится своей земной истиной, хотя бы это последняя достигла высшего торжества, сделала все тайны мироздания ясными и прозрачными как « $2 \times 2 = 4$ ». Именно « $2 \times 2 = 4$ » более всего и пугает г-на Мережковского. В самом деле. Была «тайна». Человек мучился, страдал перед лицом ее, – то преклонялся трепетно перед ее непостижимой властью, то поднимал против нее гордое знамя бунта. И вдруг тайна «разгадана»: на место всего этого богатства эмоциональных переживаний – холодная ясность, серая скука математической формулы. Есть от чего в отчаянье прийти!

Вот на случай такого окончательного торжества математики г-н Мережковский и возлагает надежды на восстание излюбленного Достоевским «подпольного человека». Если наступит на земле полное господство разума, так что все будет рассчитано «по табличке логарифмов», то, по уверению Достоевского, непременно возникнет какой-нибудь джентльмен с насмешливой физиономией, упрет руки в боки и скажет всем: «а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу ногой прахом, единственно с той целью, чтобы все эти логарифмы отправились к черту и чтобы нам опять по своей глупой воле пожить!» Это бы еще ничего, но обидно то, что непременно последователей найдет...

Пусть так. Пусть даже все человечество, истомленное гнетом математических формул, пойдет по стопам подпольного человека, «столкнет к черту», сожжет на кострах логарифмические таблицы и их изобретателей, воспретив под страхом смертной казни утверждать, что $2 \times 2 = 4$. Но что же дальше? Получится ли отсюда какая-нибудь «своя воля», хотя бы и самая «глупая»? Увы, нет! От сожжения таблиц не изменится значение начертанных на них формул; и если будет предписано говорить, что $2 \times 2 = 5$, то из сего проистечет отнюдь не освобождение от законов математики, а самая маленькая реформа математической терминологии: под «пятью» будут отныне разуметь то, что раньше называлось «четыре». Вот и все. Право же из-за такого мизерного результата не стоит копыя ломать, даже с «подпольной» точки зрения.

Тем-то и неприятна власть математических формул, что восстание против нее лишено всякого поэтического ореола и в самой основе своей высококомично. Объявить решенную задачу нерешенной, нарочно зажмурить глаза, чтобы создать себе иллюзию тайны там, где все ясно, как день... дальше этого в области пошлости, плоскости и скуки уже некуда идти.

Итак, если верно, что все задачи, не только данные, но и возможные для человеческого разума, будут когда-нибудь окончательно разрешены, если верно, что смысл атеистической культуры состоит в достижении этого разумного конца жизни, то, конечно, *в итоге* прогресса людям предстоит только царство безысходной скуки, от которой решительно нигде, даже и в «подполье», нельзя найти спасения. Этот, бесспорно неутешительный вывод должен бы, кажется, прежде всего, зародить сомнение в правильности исходной посылки. Допускает ли, вообще, прогресс разума какой-либо заключительный «итог», апофеоз, конец? Не противоречит ли идея апофеоза самым основам деятельности человеческого сознания? Вот вопрос, который сам собою напрашивается при созерцании бесконечной тоскливости всяких конечных апофеозов.

Но г-н Мережковский как нельзя более далек от сомнения в необходимости всеразрешающего финала истории. Мысль о безначальности и бесконечности развития пугает его чуть ли не больше, чем самый плохонький конец. В вечном движении он усматривает чуть ли не самую худшую разновидность «середины». Он неоднократно повторяет, что жаждет, – и что всякий человек, достойный этого имени, должен жаждать – «конца». Конец, доступный человеческой культуре, есть только скука. А посему да здравствует сверхчеловеческий конец, разрешение всех противоречий жизни не в человеческом разуме, а в божественном логосе и преображенном силою его мире!

Г-н Мережковский потратил немало труда на опровержение того «позитивного и материалистического догматизма», который мешает современному культурному интеллигенту раскрыть свое сердце для возвышенных откровений апокалипсической религии, но ему и в голову не приходит, что «тысячелетнее царство» можно отвергнуть в силу отсутствия в этом идеале всякой внутренней ценности, что можно *не желать* его самого по себе, совершенно независимо от всяких «научных предрассудков». А, между тем, в этом-то вся и суть. Для человека, проникнутого *духом* культуры – а также для его антипода, «подпольного» человека Достоевского – религиозный апофеоз неохристианства еще менее соблазнителен, чем апофеоз человеческого разума.

Согласно апокалипсическому учению г-на Мережковского – и в противоположность подлинному Апокалипсису – с наступлением кончины мира логос воплощается не в единичном индивидууме, как это было во время первого пришествия, а в самой человеческой общине. Преображенное человечество сознает себя единой личностью, и эта вселенская личность, этот единый всечеловеческий разум, с которым отныне тождествен разум каждого отдельного человека, и есть божественный логос. Поэтому-то грядущая церковь «извне кажется анархией», а внутри есть «теократия», «взаимовластие»: «в царстве Божиим – все цари, все господа, и единый Царь царствующих и Господь господствующих – сам Христос»⁶. Если бы Христос царствовал в этой чаемой теократии, воплотившись в отдельном человеческом образе, то церковь казалась бы «извне» не анархией, а *монархией*. Лишь постольку все члены церкви могут быть названы царями и господами, поскольку Царь царствующих и Господь господствующих осуществляет свою власть не вне, а внутри каждого человека. Не подлежит, таким образом, никакому сомнению, что в апофеозе г-на Мережковского человеческий разум сливается с божественным, претворяется в логос.

Как известно, логос не только безмерно превосходит человеческий разум по степени, но и отличается от него по существу. В то время как человек противопоставляет себя внешнему миру, который он познает как нечто *данное*, логос творит мир. «Вещи суть мысли Божества»; каждая идея Бога материализуется; божественная воля тождественна с ее осуществлением. Если наш разум стал логосом, то этим уже достигнуто преобразование внешнего мира. Тогда мир утрачивает для нас свою материальность, свою способность к сопротивлению. Нам уже не надо *знать* законы мира, чтобы пользоваться ими как орудием для осуществления наших желаний, но сами желания наши становятся законами природы: когда мы чего-либо хотим, то самим этим актом хотения уже реализуем желаемое в действительности.

На первый взгляд – это идеал совершенной, абсолютной свободы. Но только на первый взгляд. В действительности свобода – и в ее отрицательной форме как *освобождение* от чего-нибудь, и в ее положительной форме как *способность* создать что-нибудь, – существует лишь до тех пор, пока мы боремся с каким-нибудь сопротивлением, преодолеваем «косную» материю, с некоторым усилием воплощаем в ней наш замысел. *Наличность сопротивления есть необходимое условие самого сознания.*

Когда г-н Мережковский думает об Антихристе и его соблазнах, сознание его горит ярким светом, – но, когда он произносит или пишет на бумаге слово «Антихрист», его органы речи и его руки выполняют свое дело бессознательно. Почему это так? Да только потому, что «вопрос» об Антихристе полон для г-на Мережковского неразгаданных тайн: если теоретически он уже стал выше всех соблазнов антихристовых, то на практике только еще ищет путей для их преодоления. Наоборот, ему не приходится ничего преодолевать, не приходится прокладывать никаких путей для того, чтобы произнести слово «Антихрист»: здесь все пути давно уже проложены, здесь «желать» – значит «исполнять желаемое», – и именно поэтому весь процесс совершается *автоматически*, почти без участия сознания.

⁶ Грядущий Хам. С. 169.

Такие автоматические действия, такие *инстинктивные* реакции как раз и представляют чистейший тип того якобы «высокого» бытия, о котором грезят верующие в преобразование разума в логос. Как известно, инстинктивные акты «совершеннее» сознательных, плохо рассчитанных движений, которые характеризуют всякую сознательную работу, – они в высшей степени гармоничны, точны, божественно целесообразны. Но беда в том, что эта божественная «законченная» гармония инстинктивной жизни существует как таковая только для наблюдающего ее *со стороны* сознания. В «самом себе» инстинкт есть не высшее торжество сознания, не апофеоз, а полная бессознательность, царство «Мудрого Духа» отрицания и небытия.

Г-н Мережковский противопоставляет «безмерной полноте бытия» в грядущей церкви дьявольский идеал нирваны, угашения бытия, на сторону которого стала историческая церковь, проповедуя отрешение от мира, «лежащего во зле». Но тут не два идеала, а один. Различны только пути к его достижению. Буддист не верит в преобразование мира и потому старается «преобразить» человеческую волю, привести ее к совпадению с *данным* миром и таким образом раз навсегда устранить возможность столкновений между желаниями человека и объективным ходом вещей. Неохристиане надеются, что космос «в конце концов» приспособится к человеческой воле, станет простою эманацией богочеловеческого логоса. В обоих случаях результат очевидно один и тот же: *абсолютное* единство воли и мира, которое, раз оно достигнуто, не может сознаваться ни как торжество воли над миром, ни как торжество мира над волей, ибо оно вообще никак не может сознаваться, ибо оно угашает самое сознание, превращает никогда не завершающуюся борьбу разума за целесообразность в завершенную целесообразность неразумного инстинкта. Даже та надежда на «бесстрастное блаженство созерцания», которая вдохновляет подвижников нирваны, совершенно неосуществима. Созерцание – не бесстрастное состояние, а *деятельность*, особого рода борьба, – и хотя «страсть», одушевляющая работу созерцания, очень своеобразна, тем не менее, она столь же реальна, как и всякая другая страсть. «Созерцать» – значит фиксировать энергией нашего внимания одни линии и краски и устранять другие, координировать движения нашего зрительного органа так, чтобы выделить из созерцаемой картины одни контуры и устранить другие, и т. п. Подобно всякому другому сознательному акту, созерцание требует усилий, преодолевает известные препятствия, может быть удачным и неудачным, ложным и истинным, – и только при этих условиях существует как таковое, как *сознательное* созерцание.

Всякий идеал абсолютного «конца», последнего завершения и разрешения всех противоречий, каков бы ни был его исходный пункт – атеизм или вера, аскетизм или обожествление плоти – в своей глубочайшей сущности есть религия Бессознательного, стремление к дочеловеческому или животному, а не сверхчеловеческому или божественному блаженству.

Как мы видели выше, в «вавилонской башне» позитивного устройства человечества г-н Мережковский усматривает дух Чичикова. Чичиков для него – типичнейшее воплощение дьявола пошлости и середины.

В Чичикове преобладает начало равновесия, устойчивости... Это – «хозяин, приобретатель». Но не самое приобретательство составляет конечную цель Чичикова, а доставляемое им физическое и умственное «довольство», всесторонний «комфорт» жизни. Так называемый «комфорт», то есть высший культурный цвет современного промышленно-капиталистического и буржуазного строя, комфорт, которому служат все покоренные наукой силы природы – звук, свет, пар, электричество, – все изобретения, все искусства – вот последний венец земного рая для Чичикова⁷.

⁷ Гоголь и черт. С. 33, 34, 41.

А «последний венец» небесного рая для г-на Мережковского? В чем он заключается? Разве не в том же?

В царстве победоносных Чичиковых пытливость ума засыпает в спокойном довольстве достигнутыми «приобретениями»: все уже известно, все уже добыто и больше не к чему стремиться. Царство это пошло и скучно, но все же в нем есть хоть какая-нибудь сознательная жизнь. Не нужны и невозможны новые откровения, но для поддержания «муравейника» необходимо целесообразно применять к делу старые истины, пользоваться «табличкой логарифмов», – а это требует известных усилий, известного напряжения и, так или иначе, поддерживает слабо теплящийся огонек сознания.

В тысячелетнем царстве неохристиан угасает эта последняя искра человеческого. Тут даже для использования накопленных приобретений не приходится тратить никаких сил, ибо все делается «само собою», явления природы совершаются по указу воли человеческой. Если «вавилонская башня» – идеал Чичикова, то хилиастическое блаженство – идеал Пацюка, который хочет, чтобы вареники *сами* прыгали в сметану и лезли ему в рот. И неужели же Пацюк по духу своему противоположен Чичикову, отделен от него целой *бездной*, как агнец от зверя? Не есть ли он, наоборот, лишь дальнейшее развитие Чичикова: та же самая «пошлость» успокоения и довольства, но лишь доведенная до своего логического конца, до абсолюта или – что то же – до абсурда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.